

ПОЭЗИЯ И МУЖЕСТВО

В ОТ УЖЕ и поколение поэтов, как будто совсем недавно инагувшее от школьных порогов в Великую Отечественную войну, подводит первые итоги. Поэты выпускают однотомники, двухтомники, а кое-кто и пятитомники, в которых — лучшее, главное из созданного ими. Каждое такое издание — своеобразная летопись нашей жизни. Но все дело в том, что у каждого поэта должна быть своя собственная летопись, потому что он держит экзамен прежде всего перед поэзией.

Держит такой экзамен и первый двухтомник Сергея Орлова — поэта, рожденного войной, крещенного огнем и железом великой битвы, едва не погнбшего в пылающем танке, когда наша победа была уже близка. До этого огненного танка был первый танк, был 1941 год. Тогда молодой солдат Орлов метал о счастье, которое подчас заключалось в одной сигарке на весь экипаж, в костре, где можно просушить портянки, а потом, перед боем, до утра «дыхнуть на сиденье в танке».

А утром с нашей из поля
Из дома принесли б открытию...
Для счастья мне всего пока
Довольно этого с избытком.

То были первые стихи танкиста Орлова. А начинал он чуть раньше свою поэтическую летопись стихами, где сверчок скрипел за печкой да снежок, словно капуста, хрустел под ногами. Но уже и эти мальчишеские строчки пропитаны горьким дымом войны:

По-над дымной долиной
На рьяины азгляну.
Как знамена, рьяины
Нас зовут на войну.

Образ родной северной рьяины, пылающей, как знамя, поэт пронесет через всю войну. И в другом стихотворении солдат, едущий из Берлина в отчие края, увидит из окна, как «рьяины, словно флаги, пламенеют по лесам».

Поэт, прошедший вместе со своим народом испытание жизнью и смертью, должен был сказать свое слово в поэзии. И Сергей Орлов такое слово сказал. Мы это мгновенно поняли, когда прочли написанное с трагедийной силой стихотворение — гимн советскому солдату, чей подвиг, чья жизнь спасли мир от фашизма, стихотворение, сразу ставшее знаменитым в нашей литературе:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, дружка, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему нам мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,

Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

Так бывает, что судьба одного стихотворения решает судьбу поэта. Это может быть не самое лучшее стихотворение, рядом с ним полноценно живут и другие стихи, но именно в нем наиболее характерно поэт выражает себя и свое время. И оно, стихотворение, становится знаменем его поэзии.

Вспомним стихотворения «Портретов Ленина не видно...» Полетаева, «Балладу от гвоздях» Тихонова, «Гренаду» Светлова, «Санкулот» Антокольского, «Песню о ветре» Луговского, «Вино» Ушакова, «Бьет в тесной пещурке огонь...» Суркова, «Куклу» Кедрина, «Жди меня, и я вернусь...» Симонова, «Давай закурим!» Френкеля, «Пришедшим с войны» Лукокина, «Перед атакой» Гудзенко, «Соловьи» Дудина, «Костер» Наровчатова, «Баню» Слуцкого, «Коммунисты, вперед!» Межирова, «Гамлета» Винокурова, «Мальчишку» Ващенко, «Первый снег» Вл. Соколова, «Бранденбургские ворота» Субботина...

К сожалению, мы потеряли цену одного стихотворения. Журналы, как правило, печатают стихи циклами. Даже в сборниках «День поэзии» каждый поровит опубликовать как можно больше стихотворений. Иной раз прочитаешь цикл, а то и целый сборник, а такого стихотворения, с которого начиналась бы судьба поэта и которое осталось бы с тобой на всю жизнь, не найдешь. В двухтомнике Сергея Орлова немало стихотворений, написанных с не меньшей силой, чем «Его зарыли в шар земной...». Прочтите, скажем, восьмистрочное стихотворение:

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И азгляди испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

Но дело не только в том, что стихотворение наполнено такой же болью, а в том, что оба они написаны одной рукой, выстраданы одним сердцем, произнесены одним голосом. Это стихи о мужестве и о себе, о победе и о себе, о человечестве и вместе с тем о себе. Такой нерасторжимый сплав и рождает ту самую интонацию, по которой мы узнаем поэта, если он поэт, по которой в данном случае легко узнать Орлова. Без интонации есть стихи, но нет поэзии.

Орловская интонация чувствуется почти в каждом его стихотворении, она бьется, как жилка на виске, прощупывается, как пульс. Вы читаете: «Облако за месяц зацепилось, за рекой кричали

Сергей Орлов. «Избранное. В двух книгах». Издательство «Художественная литература». Ленинград. 1971. Книга первая — 302 стр. 91 коп. Книга вторая — 254 стр. 83 коп.

поезда. Ничего такого не случилось, только грусть пропала без следа». И пронзительность интонации, таящейся в этом «ничего такого не случилось», открывается вам во всей своей непосредственности.

Орлов предельно естествен, достоверен, ему не надо в стихах себя придумывать, как это делают иные поэты, то инфантильно кокетничая, то впадая в мнимую значительность и заумь, то прибегая к формальным изыскам, когда не хватает собственных «больей, бед и обид».

Я пришел в сорок пятом
Опаленный, живой,
Молодой, конопатый,
С золотой головой.

С какой обгаженной любовью к жизни, с какой незамутненной верой в себя это произнесено! Как легко, празднично и вместе с тем надежно стоят слова, хотя за ними и пыль, и дым, и смертельная усталость, и гибель друзей. И когда поэту его душа говорит: «Ты — бог, ты добр, ты храбр, и я с тобой, Ленин горшки. Не предавайся лени, и принимай неотвратимый бой, и подымай упавших с четверенек. Бессмертна я...» и когда поэт говорит о своей душе: «Я подчинился ей, она — душа. Считаться с нею надо, и забывать о бренности своей, и, кроме жизни, не искать награды!» — я, честное слово, верю в такой разговор, верю поэту: для него высшая награда — жизнь.

Подобные прямые обращения очень редки в стихах Орлова. Его любовь к

жизни передается нам не декламационно и без назойливых обобщений, а конкретно и зримо во всех подробностях земных. Вы видите то, что видит поэт, вы чувствуете то, что он чувствует:

По льду на развалих разлапых
Обозы с сеном поплывут,
Пахнет щемящим сердце запахом,
Как будто лето провезут.

Музыка орловской интонации возникает из ясного мироощущения, из редкостной цельности его поэзии. Сквозь все стихи проходит любовь к русской северной земле, поэт влюблен в ее раскаты и закаты, в ее краски и ароматы:

Ели — словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,
И из трав встает над полем
Рыжий филином луна.

В очень характерном для Орлова стихотворении «Курортники», посвященном Александру Яшину, рассказывается о двух северянах, оказавшихся на таверческой земле. Оба на юге загрустили по северу, но так как они не любили выражать свою любовь громкими фразами, то «Один подумал: «Как посеять?», Другой: «Как лес на реках сплавили?», А вслух: «Один сказал: «На Белом озере еще остатки льдин мерещатся...», Другой вздохнул: «У нас за Вологодой черемуха в Никольске пенится...».

Доброй и чистой любовью светятся стихи поэта, когда он пишет о людях его северной земли. В стихотворении «Шура Капарулина» он восторгается своей героиней: «Мастерша кружевной артели, гордость наша, местный соловей...». Орлов передает эту гордость тонко и возлюбленно. Весь городок затих, слушая по радио своего соловья. Шофер со срочным грузом выключил мотор:

Он от песни узнать не хочет...
Шура Капарулина поет!

Мастерство поэта безыскусственно даже тогда, когда он не жалеет красок и сравнений.

У него и после марша «танкисты спят, как запорожцы, в травы закинув шлемы, разметав чубы...». «Березы, словно памятники лету, из серебра и бронзы отлиты». «Поднимают семафоры руки разом к козырьку». Бакеншик чинит фонари, «вставляя... в оправы медные кусочки алые зари».

Чудесно стихотворение «Осень», где «широким журавлиным клином последний выбит летний день». Стоит женщине на у переезда, наверное, мать солдатская, провожает глазами эшелон с бойцами, может, среди них ее сын: «На поезд смотрит без движения...». Сколько в этой строке душевного порыва и глубины! Мать смотрит без движения на поезд, который движется, уходит...

Орлов — живописец. Он умеет создавать картину. Штрихи и мазки картины рожают настроение и мысль, без которых нет поэзии. Идут по вечерней деревне коровы: «Они идут. Им улица узка. Бык впереди, как будто холм горбатый, а на рогах дожди и облака иль чистый пламень тихого заката. Аркадия, пастушечья страна, по улице течет живой рекою, тяжелые качая вымена — колокола домашнего покоя».

У Орлова не только луна встает из трав рыжим филином, у него и конь, везущий в дубовой бочке воду в степь, рыжий. Любимый цвет поэта — рыжий. Он пишет о мамонтах: «Вымирали мамонты... рыжие, огромные...». И шофер везет на трехтонке «рыжих, как пламя, телят», и «хлеб благоухает, веснушат и рыж», и в стихотворении «Его зарыли в шар земной...» «на рыжих скатах тучи спят», и «дали в рыжем дыму», и журавли летят из Египта «к рыжим полям», и Дон Кихот скачет «по рыжей сере...».

И — представьте себе — это мне насколько не мешает. Каждый раз я поновому вижу и рыжую луну, и рыжих телят, и рыжего письмоноса, и рыжие от солнца тростники, и «день рыжий, взорванный ветрами», и женщину рыжеволосую... Поэт, как видно, знает о своем пристрастии к этому эпитету и не боится его, неутомимо добываясь различных оттенков и оттенков любимого цвета. Не зря же он даже о себе пишет:

Были годы юны, были рыжи,
Бежали по лужам босиком.
Я из них, как из пеленок, вышел,
Вырос бородатым мужиком.

Конечно, суровый и трезвый критик мог бы к этому «рыжему полноводию» придраться. Я лучше придерживусь к какой-нибудь неточности, ну, скажем, к строфе в стихотворении «Колодезный журавль»:

В небо цепь его не пускает,
И, с тоскою шеею подняв,
Смотрит он, как на юг улетают
Журавли на исходе дня.

Во-первых, шею даже с тоскою и даже колодезному журавлю, не имеющему головы, нельзя поднимать, ее можно, в крайнем случае, вытянуть или повернуть, во-вторых, если уж глагольно рифмовать, то надо это делать точнее...

Написал я это и вспомнил, что Орлов, говоря, по слову Семена Гудзенко, о вершинах, с которых он сошел в поэзию, заявляет в одном из стихотворений: «Пускай в сторонку удалится критик: поэтика здесь вовсе ни при чем. Я, может быть, какой-нибудь эпитет — и тот нашел в воронке под огнем». Поэт гордится своим потомком: «И он простит мне в рифме прегрешенье...».

Что ж, у поэта есть все основания для подобного предположения. Потому что наверняка простит ему «в рифме прегрешенье», но, мне кажется, Сергей Орлов — поэт такого мужества и такого мастерства, что в снисхождении не нуждается.

Марк ЛИСЯНСКИЙ